

Крохотный яичный дух прилежно учился и узнавал много нового. Например, то, что у каждого человека есть семья.

Обычно она состоит из папы, мамы, дедушек и бабушек со стороны обоих родителей, а если детей несколько, то к ним прибавляются братья и сестры.

Еще во время прошлого телефонного звонка И Даньдань понял, что у Жун Чэньцзюня тоже есть родственники, вот только отношения у них явно не ладились.

Тот грубиян на другом конце провода, скорее всего, приходился ему младшим братом. Но этот злой мальчишка совсем не походил на послушных и милых братьев из телевизора — он только орал на Жун Чэньцзюня и сыпал ругательствами.

Тогда этот несносный братец сразу же ему разонравился. Жун Чэньцзюнь с тех пор больше не созванивался с ним, и кроха-дух постепенно забыл о неприятном инциденте. Но теперь, когда он признался, что И Даньдань — его единственный близкий человек, малыш почувствовал тепло и в то же время недоумение.

С тех пор как И Даньдань принял человеческую форму, он общался только с Жун Чэньцзюнем. Пускай они провели вместе не так много времени, привязанность малыша была невероятно глубокой.

Жун Чэньцзюнь занял в его душе место, которое никто и никогда не смог бы отнять. Он был для него настоящей семьей.

Малыш взлетел и завис прямо перед лицом мужчины. Он выглядел предельно серьезным.

— Жун-жун, не грусти, — торжественно произнес он. — У меня ведь тоже никого нет. Теперь мы с тобой станем семьей друг для друга! А если какие-нибудь негодяи снова вздумают тебя обидеть, я помогу их прогнать!

Глядя на искренность и чистоту, сиявшую в глазах малыша, Жун Чэньцзюнь на мгновение потерял дар речи.

Слова крохи вновь без промаха угодили ему в самое сердце.

Иногда он задумывался: если бы этот малыш не был самым крошечным существом на свете, а оказался его ровесником — смог бы он впустить его в свою жизнь так же быстро? Даже если бы тот был столь же чист, невинен и одинок в этом мире.

«Конечно, нет», — подумал Жун Чэньцзюнь.

Он слишком привык закрываться от людей. По натуре он отличался крайней подозрительностью, и заслужить его доверие было задачей почти невыполнимой.

Взять хотя бы Мин Юя. Если бы не долгие годы совместной борьбы, взлетов и падений, Жун Чэньцзюнь ни за что не назвал бы его своим другом.

Но даже теперь, когда их связывала крепкая дружба, он держался на определенном расстоянии. Он умел четко разграничивать личное и деловое, сохраняя дистанцию даже с самыми близкими друзьями.

Он понимал, что у любого, даже самого преданного друга рано или поздно появится своя семья. Человеку с его характером не стоило сближаться с кем-то слишком сильно — его собственнический инстинкт был чересчур силен.

Однако И Даньдань стал исключением. Впервые в жизни Жун Чэньцзюнь полюбил кого-то столь искренне и безраздельно, готовый отдать всё ради этого крохотного существа.

Но у этой любви было одно условие: малыш должен был принадлежать и доверяться только ему.

Размеры И Даньдана обрекали его на вечную тайну — он никогда не сможет показаться обычным людям. А это значило, что всю свою жизнь он проведет рядом с Жун Чэньцзюнем.

Маленький дух не исчезнет, не покинет его, не увлечется кем-то другим. Он принадлежал только ему.

Именно поэтому Жун Чэньцзюнь с самого начала открыл ему душу. Жениться он все равно не собирался. Будучи геєм, брезгливым и презирающим хаос и мимолетность свиданий, он давно решил, что одиночество — его лучший удел.

Появление малыша заполнило пустоту в его жизни. Собственническое чувство вспыхнуло мгновенно: Жун Чэньцзюнь сразу же решил, что они станут единственной семьей друг для друга на всю жизнь.

Что и говорить, Жун Чэньцзюнь был эгоистом.

Просто он умел тщательно маскировать свои темные стороны, и никто вокруг даже не догадывался о них.

Его одержимость граничила с ненормальностью — любой другой человек задохнулся бы в тисках такой удушающей опеки. Но И Даньдань был особенным. Чуткий, он давно разгадал натуру своего покровителя, однако это его нисколько не пугало. Напротив, в глубине души он радовался.

Ему нравилось быть центром вселенной Жун Чэньцзюня, и он охотно подыгрывал ему.

Да, дух был крошечным и многого не знал о мире, но дураком он точно не был. Жун Чэньцзюнь выдавал себя на каждом шагу: постоянно твердил об опасностях, подстерегающих снаружи, а перед выходом и вовсе едва не передумал брать его с собой.

Малыш чувствовал скрытый страх мужчины — страх остаться покинутым.

И Даньданю нравилось это упоительное чувство взаимной необходимости.

Да и если посудить здраво, что бы с ним случилось на воле? Он умеет летать и становится невидимым — что ему сделают эти неповоротливые гиганты? В крайнем случае просто найдет другое укромное местечко и спрячется.

Но он добровольно шел в эту золотую клетку. Его тяга к большому миру была сильна, но любовь к Жун Чэньцзюню перевешивала всё. Поэтому он послушно притворялся напуганным, убажывая чужую тревогу.

Оба вели свою тихую игру, уверенные, что партнер ничего не замечает. Вот только Жун Чэньцзюнь действительно пребывал в неведении, а для И Даньдани всё было ясно как день.

Пусть малыш и казался чистым листом бумаги, ума и проницательности ему было не занимать. Искренняя, глубокая любовь Жун Чэньцзюня была осязаема, и кроха платил ему тем же — преданно и от всего сердца, невзирая на свои маленькие хитрости.

Жун Чэньцзюнь даже не подозревал, какие сложные мысли роятся в этой крохотной головке. Для него И Даньдань оставался невинным хрупким созданием, нуждающимся в ежесекундной заботе.

— Кроха... — прошептал он. Он уже слышал подобные слова от малыша, но каждый раз они трогали его до глубины души.

— Пока ты не прогонишь меня, я буду с тобой всю жизнь, — пообещал малыш с абсолютной серьезностью.

В груди Жун Чэньцзюня словно проросло волшебное семечко: за секунду оно вымахало в огромное дерево, шелестящее изумрудной листвой под теплым ветром.

— Что за глупости? — улыбнулся он. — Как я могу тебя оставить?

И Даньдань грустно опустил голову и тихо пробормотал:

— Когда-нибудь ты женишься, у тебя появится жена и ребенок... И мне придется навсегда спрятаться.

Жун Чэньцзюня охватила нежность. Малыш явно пересмотрел сериалов, раз решил, что каждый человек обязан обзавестись традиционной семьей.

— Этого не случится, Даньдань. Я никогда не женюсь, у меня не будет жены и детей. Для меня ты — единственный и самый любимый малыш.

И Даньдань, хоть и затеял этот разговор ради проверки, не смог сдержать ликования. Его лицо мгновенно посветлело, уступив место сияющей улыбке. Он подлетел ближе и обнял крохотными ручонками кончик носа Жун Чэньцзюня.

— Жун-жун, ты самый лучший!

От объятий защекотало в носу, но Жун Чэньцзюнь терпеливо замер, лишь осторожно погладил кончиком пальца спинку крохи.

Атмосфера была наполнена такой нежностью, что у Жун Чэньцзюня едва не сорвался с языка заветный вопрос:

«Даньдань, а хочешь стать моим сыном? Назови меня папой, м?»

Ему давно хотелось примерить на себя роль отца для этого крохотного духа, но подходящего момента все не представлялось. А сейчас момент казался идеальным.

Увы, реальность безжалостно разрушила волшебство: в дверь кабинки негромко постучали.

Жун Чэньцзюнь с неохотой позволил И Даньданю юркнуть обратно в карман пиджака и сухо бросил:

— Войдите.

Официант вошел, чтобы подать блюда. Жун Чэньцзюнь терпеть не мог традиционную ресторанную канитель с постепенной сменой закусок, горячего и десертов — сегодня он обедал не с партнерами по бизнесу, перед которыми нужно было держать марку.

— Подавайте всё сразу, — распорядился он. — Ждать перемены блюд у меня нет времени.

Официант на секунду удивился, но быстро вернул на лицо профессиональную улыбку, кивнул и удалился.

По правде говоря, Жун Чэньцзюнь, выросший в бедности, не питал особой любви к изысканной европейской кухне. Сюда он ходил исключительно ради представительских целей — произвести впечатление на партнеров или устроить банкет для сотрудников. Напускного лоска в этом было куда больше, чем искреннего удовольствия.

Когда стол заставили тарелками, мужчина попросил больше его не беспокоить и запер дверь. И только после этого бережно высадил И Даньданя на стол.

Подвинув к нему чистое блюдо, он стал аккуратно накалывать на вилку крошечные кусочки разной еды и бережно кормить своего маленького спутника.

— Эх, не подумал я утром, — с досадой вздохнул он, наблюдая, как кроха усердно сражается с кусочком стейка. — Надо было захватить твои палочки.

И Даньдань с набитым ртом невнятно пробормотал:

— Ничего страшного, и так очень вкусно!

— Вечером я отведу тебя в Поместье Тяньчэн. Там отличные морепродукты, гораздо вкуснее этого мяса.

— Правда? — И Даньдань загорелся предвкушением. — Даже вкуснее, чем крабы, которых ты сам готовишь?

Слышать комплимент своему кулинарному таланту было чертовски приятно. Жун Чэньцзюнь самодовольно улыбнулся:

— Ну, до моих шедевров им далеко, конечно, но есть можно.

— Я же говорил! Твоя еда — самая лучшая в мире! — авторитетно заявил И Даньдань.

За тихой беседой они быстро покончили с обедом. Оба остались сыты и довольны. Перед уходом Жун Чэньцзюнь попросил упаковать с собой фирменные десерты ресторана — манговый мильфей и торт «Черный лес».

Малыш обожал сладости, так что в офисе будет чем полакомиться.

Вернувшись в компанию Чэньсин, Жун Чэньцзюнь тут же погрузился в дела. И Даньдань заметно притомился. Заметив, как кроха трет глазки, мужчина соорудил в ящике стола уютную постельку из мягких лоскутов ткани. Малыш свернулся калачиком и мгновенно уснул.

На этот раз Жун Чэньцзюнь не стал задвигать ящик до конца, оставив его приоткрытым, чтобы крохе спалось вольготно и дышалось легко.

К тому моменту, как завершилось онлайн-совещание с партнерами из Страны Ф, И Даньдань уже проснулся. Жун Чэньцзюнь осторожно опустил сонного кроху в карман и начал собираться домой — обещание поужинать в морепродуктовом ресторане никто не отменял.

Когда босс в очередной раз направился к выходу раньше обычного, притаившиеся в приемной сотрудники оживились. Подталкиваемый общим молчаливым напором, Ассистент Тан пересилил робость и шагнул навстречу:

— Господин Жун, вы уже уходите?

Жун Чэньцзюнь окинул его холодным, вопросительным взглядом:

— Какие-то проблемы?

— Нет-нет, что вы! Я просто так, поинтересовался, — замахал руками Ассистент Тан.

В последнее время большой босс повадился уходить минута в минуту по окончании рабочего дня, и глядя на него, весь коллектив тоже мечтал поскорее сбежать домой...

— Раз вопросов нет, я пошел, — сухо обронил Жун Чэньцзюнь. — И вы, если закончили свои дела, не засиживайтесь. Вечно у вас хромает продуктивность, а потом требуете сверхурочные. Если можно сделать работу в положенное время, нечего растягивать ее до ночи.

Прочитав дежурную нотацию, Жун Чэньцзюнь повернулся к лифту.

Но стоило створкам приоткрыться, как из лифтового холла выбежал запыхавшийся охранник:

— Господин Жун! Там... она снова пришла.

Жун Чэньцзюнь мгновенно помрачнел. Он судорожно сжал пальцы в кармане, инстинктивно оберегая кроху. И Даньдань от неожиданной боли сердито шлепнул его ладонку своей маленькой ручкой.

Жун Чэньцзюня будто током ударило: он же сдавил малыша!

Он почувствовал, как сердце панически заколотилось. Безумно хотелось немедленно вытащить кроху и проверить, всё ли с ним в порядке, не повредил ли он ему что-нибудь. И Даньдань ведь такой крошечный, как он мог так неосторожно схватить его!

Лицо мужчины исказилось смесью гнева и паники. Ни слова не говоря ошеломленному охраннику, он круто развернулся и стремительным шагом направился обратно в свой кабинет.

Сотрудники в приемной растерянно переглянулись. Каждому из них было искренне, до глубины души жаль своего руководителя.

Какое же это проклятие — иметь такую мачеху!

Является в офис как к себе домой и устраивает скандалы каждые несколько дней. Отношения давно разорваны, бумаги подписаны, а она всё лезет. Откуда у людей берется такая непробиваемая наглость?

<http://bllate.org/book/18224/1749518>